

И.В. СТАЛИН

ПОЛНАЯ
БИОГРАФИЯ

СЕРГЕЙ
СЕМАНОВ

ЛУЧШИЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
БИОГРАФИИ

Лучшие политические биографии

Сергей Семанов

И. В. Сталин. Полная биография

«Алисторус»

2022

УДК 82-94
ББК 63.3

Семанов С. Н.

И. В. Сталин. Полная биография / С. Н. Семанов —
«Алисторус», 2022 — (Лучшие политические биографии)

ISBN 978-5-00180-457-4

Сергей Николаевич Семанов (1934 - 2011) - видный советский и российский историк. Он автор более двух десятков книг, в том числе биографий Сталина, Брежнева и Андропова. Подробное описание жизни и деятельности И.В. Сталина сопровождается Семановым анализом сталинской политики, для чего приводится большой массив документальных материалов. Несмотря на определенные симпатии автора к Сталину, это исследование не является апологией советского вождя, - Сергей Семанов создает объективную картину сталинского правления на фоне сложных событий российской истории первой половины XX века. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94
ББК 63.3

ISBN 978-5-00180-457-4

© Семанов С. Н., 2022
© Алисторус, 2022

Содержание

Первые годы	6
По тюрьмам и ссылкам	13
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Николаевич Семанов

И.В. Сталин. Полная биография

© Семанов С.Н., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

Первые годы

Уездный городок Гори в семидесятых годах XIX столетия жил мирно и тихо. Он невелик: по переписи 1873 года насчитывалось в Гори около 6000 жителей. Национальный состав горожан смешанный – 3495 армян, 2250 грузин и 254 русских. Преобладание армян не было чем-то особенным, так как в ту пору во многих городах Грузии они составляли весьма существенную долю населения.

Все лучшие дома находились на главных улицах – Царской и Тифлисской. Остальные – кривые переулки, разбросанные без всякого плана и порядка. На одной из таких улочек, взбегавших по склону горы, пыльных в сухое время и грязных в дождливое, стоял домик на кирпичном фундаменте с деревянными стенами. Девятого декабря 1879 года в домике царило радостное оживление: родился мальчик.

Отец новорожденного, Виссарион Иванович Джугашвили, по профессии сапожник, был выходцем из крестьян села Диди-Лило Тифлисской губернии. В поисках заработка он переехал в Гори и здесь женился на дочери бывшего крепостного крестьянина из села Гамбареули Горийского уезда Екатерине Георгиевне Геладзе. Было ей тогда около пятнадцати лет. Когда появился на свет Сосо (так у грузин сокращают имя Иосиф), матери едва исполнилось двадцать. До этого в семье Джугашвили было уже трое детей, но они умерли вскоре после рождения. Естественно, что отец и мать не чаяли души в единственном сыночке.

Сосо оказался крепким мальчиком. В возрасте шести-семи лет он перенес оспу. О прививках в ту пору в Гори мало кто слышал, и на лице у Сосо на всю жизнь остались легкие отметины. Чуть позже он ушиб левую руку. От ушиба началось нагноение. Сосо был при смерти.

– Не знаю, – вспоминал он, – что мне тогда помогло, крепкий организм или мазь знахарки, но я поправился...

И все же левая рука мальчика с тех пор и на всю жизнь плохо сгибалась в локте.

Жить семье Джугашвили было нелегко. Виссарион Иванович трудился не покладая рук, но его сапожническое ремесло не приносило достатка. Зарплата не хватало, и спустя некоторое время после рождения сына Виссарион Иванович уехал в Тифлис. Там он поступил на работу к крупному обувному предпринимателю Адельханову в надежде поднакопить денег.

Говоря о Виссарионе Джугашвили, нельзя не упомянуть об одном печальном обстоятельстве: пристрастии его к спиртному. Не зря, видимо, у многих народов существуют присловия, подобные русскому, – «пьян, как сапожник». Сведения о том сохранились смутно, но так было. В 1890 году Джугашвили-отец скончался. Это произошло, когда сыну еще не исполнилось одиннадцати лет. К тому же последние годы отец жил отдельно от семьи, покинув Гори.

Екатерина Георгиевна, на которую пала основная тяжесть воспитания сына, работала поденщицей у более состоятельных горожан: без устали шила, стирала, пекла хлеб. Жили теперь Джугашвили в комнатенке площадью в взятку квадратных аршин, рядом с кухней. Вход – прямо со двора, без всякой ступеньки. Пол выложен кирпичом. Обстановка предельно скромная: маленький стол, табуретки, широкая тахта, покрытая соломенной циновкой – «чилони». Но за эту конуру надо было платить полтора рубля в месяц, и очень-очень непросто удавалось скопить даже такие деньги.

Несмотря на бедность, родители, в особенности мать, хотели, чтобы их единственный сыночек учился. Екатерина Георгиевна была неграмотной, не знала русского языка, по твердо решила дать образование сыну, тем более что восприимчивость и память его с малолетства бросались в глаза окружающим.

Екатерине Георгиевне очень хотелось, чтобы ее Сосело когда-нибудь стал православным священником – ведь это так почетно! Она добилась, чтобы в сентябре 1888 года, на девятом году жизни, Сосо поступил в приготовительный класс духовного училища. Достичь этого было

куда как нелегко, ибо в училище определяли своих детей в первую очередь лица духовного звания. Решающую роль тут сыграли недюжинные способности мальчика. Итак, сын сапожника и поденной работницы стал на духовную стезю.

Воспоминания товарищей Сосо дают нам представление о том, каким он был в ту пору. Среднего роста, худощавый, крепкий мальчик имел веселый нрав. Взгляд – живой, но по временам очень пристальный. Движения быстрые, походка уверенная. Одет Сосо был бедно, но всегда опрятно. Зимой надевал синее пальто, сапоги, войлочную шляпу, широкий красный шарф и серые вязанные рукавицы. Книги и тетради носил в красной ситцевой сумке, перекинутой через плечо.

Преподавание в училище велось на русском языке, лишь два раза в неделю были уроки грузинского языка. Это, естественно, создавало дополнительные трудности для некоторых мальчиков-грузин, но не для Сосо Джугашвили, который очень быстро и хорошо освоил русскую речь.

Мальчик, несомненно, был очень талантлив. В училище не преподавали тогда рисование, но товарищи Сосо помнят, как хорошо он рисовал. Будущих священнослужителей, конечно, учили пению. Сосо, обладая хорошим голосом и слухом, пел в училищном хоре. Голос его, обычно глуховатый, во время пения становился красивым и звучным. На всю жизнь сохранил он любовь к песням. Поначалу то были многоголосые грузинские песни. Придет время, и не менее полюбит Иосиф Джугашвили русские народные...

Успехи Сосо были так велики, что училищное начальство, зная трудное материальное положение семьи Джугашвили и не желая терять столь способного ученика, исхлопотало ему ежемесячное пособие. Это было редчайшим исключением.

Главным и основным его занятием в свободное от уроков время было чтение книг. В училище имела неплохая библиотека, но подбор книг вскоре перестал удовлетворять Сосо. Он жаловался товарищам, что не может найти хороших, интересных книг. Ученик старшего класса Ладо (Владимир) Кацховели рассказал ему о частной библиотеке Арсена Каландадзе.

Каландадзе имел в Гори типографию, книжный магазин и библиотеку, в доме у него собиралась местная интеллигенция. Пристрастившийся к чтению Сосо Джугашвили к концу своего пребывания в училище перечитал почти все книги, имевшиеся у Каландадзе. В первую очередь это были сочинения грузинских писателей – Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Игнатия Ниношвили и других. С товарищами он часто обсуждал наиболее понравившиеся ему, взволновавшие его книги.

Знание родной литературы, любовь к ней, несомненно, сказались на формировании характера Сосо. В это же время он стал читать произведения гигантов русской литературы – Пушкина, Гоголя, Толстого, – и столь же несомненно, что достаточно раннее знакомство с русской культурой – прежде всего с литературой и историей – имело решающее значение для формирования взглядов и настроений грузинского мальчика.

По мере того как ребенок превращался в юношу, росли его симпатии к угнетенным и сочувствие к тем, кто так или иначе проявлял свой протест против гнета. В Грузии, как и вообще в Закавказье, простой народ склонен был с симпатией относиться к тем, кто по каким-либо причинам вступал в конфликт с властью, даже если этот конфликт перерастал в обыкновенный разбой.

В 1892 году Сосо был свидетелем казни двух таких романтических разбойников. Преподаватели училища считали, что зрелище казни на площади в Гори поможет внушить молодежи чувство страха перед существующим порядком. Может быть, это и произошло с другими учениками, но Сосо был подавлен зрелищем публичной казни двух крестьян.

По окончании на «отлично» полного курса учения в духовном училище в июне 1894 года он причислен училищным правлением к первому разряду училищных воспитанников с преимуществами, присвоенными окончившим полный курс учения в духовном училище.

«Преимущества», полученные Иосифом, состояли в том, что он мог продолжать обучение в духовной семинарии. Поскольку у матери не было средств содержать сына, его обещали взять на казенный счет. И вот в августе 1894 года вместе с несколькими товарищами он приезжает в Тифлис и успешно сдает вступительные экзамены. Теперь он – семинарист.

Главной улицей Тифлиса справедливо считался Головинский проспект, проложенный параллельно реке Куре, одной из красивейших была Пушкинская улица. Ее украшал бюст А. С. Пушкина и мемориальная доска, напоминавшая о том, что в 1829 году поэт побывал здесь. На Пушкинской же улице, в четырехэтажном доме № 4, помещалась Тифлисская духовная семинария. В первом этаже размещались столовая и гардеробная; второй и третий были отведены под классы, а в верхнем – спальные комнаты, по 20–30 человек в каждой. В здании находилась небольшая церковь.

Четырнадцатого июня 1895 года на первой странице газеты «Иверия», редактировал которую известный грузинский писатель князь И. Чавчавадзе, было напечатано стихотворение, начинавшееся словами «Распустился бутон роз», за подписью И. Джугашвили.

Видимо, стихотворения молодого семинариста вполне удовлетворяли редактора «Иверии», так как они стали одно за другим появляться в газете: 22 сентября 1895 года было опубликовано «Когда на небе ясная луна», 11 октября – «Месяцу», 29 октября – «Рафаэлу Эристани», 25 декабря – «Бродил по миру словно призрак...». Все они были подписаны «Сосело». В июле 1896 года опубликовал стихотворение того же автора «Старик Ниника» журнал «Квали» («Борозда»).

Успех шестнадцатилетнего стихотворца несомненен. Стихи Сосо Джугашвили были написаны с большим литературным вкусом, образным народным языком.

Примечательна судьба стихотворений Сосело. Первое из них (июнь 1895 года) под названием «Утро», что вполне соответствует его содержанию, выдающийся грузинский педагог Я. Гогешавили поместил в свой учебник для начальных школ «Деда Эна» («Родное слово»). С этой книги начинало свое воспитание каждое новое поколение дореволюционной Грузии.

Стихотворение «Р. Эристани» в 1899 году было включено в юбилейный сборник Р. Эристани наряду с речами, поздравлениями, стихотворениями и посвящениями таких грузинских общественных деятелей, как И. Чавчавадзе, А. Церетели и др. В 1907 году М. Келенджеридзе, не зная автора, поместил это стихотворение в «Грузинской хрестоматии, или Сборнике лучших образцов грузинской словесности».

Тот же М. Келенджеридзе еще в 1899 году издал книгу «Теория словесности с разбором примерных литературных образцов». Здесь были приведены и разобраны лучшие образцы из произведений классиков грузинской поэзии: Ш. Руставели, И. Чавчавадзе, А. Церетели, Г. Орбелиани, Н. Бараташвили, А. Казбеги. Здесь же, на страницах 93–94, были помещены два стихотворения Сосело.

Всю свою энергию Сосо обращает на «светскую» литературу. Книги трудно достать, и его снабжают ими ученики старших классов. Поначалу это вполне благопристойная, подцензурная литература, затем в руки Сосо попадают книги, которые запрещены к чтению не только в стенах семинарии, но и вообще в пределах Российской империи.

Сохранился Кондуитный журнал духовной семинарии, и он буквально пестрит замечаниями и донесениями о поведении семинариста Джугашвили, на него градом сыплются предупреждения, выговоры, наказания. Поначалу это назойливые, раздражающие придирки по пустячным поводам: «Давидов и Джугашвили... продолжали разговаривать, несмотря на неоднократные мои замечания не разговаривать...»; «Джугашвили, придя в столовую к утреннему чаю, снял фуражку в самой уже столовой...»; «На утреннюю молитву явился с опозданием... Джугашвили»; «На вечернюю с акафистом опоздал Джугашвили...» и т. д. и т. п. Тут же следуют резолюции: «Обедать после других»; «Стоять в столовой».

Друзья, знавшие Сосо еще в Гори, отмечали, что в семинарии характер его заметно переменялся. Оставаясь по-прежнему хорошим товарищем, он стал теперь гораздо сдержаннее в выражениях чувств, даже несколько скрытен. И немудрено – ему было что и от кого скрывать.

Уже на первом году обучения в семинарии Сосо вступает в литературный кружок, разумеется, нелегальный, хотя и не политический, а чисто просветительский. Семинаристы читали и разбирали лучшие произведения мировой, русской и грузинской литературы. Следили и за сообщениями и дискуссиями на страницах «Квали». Страстно обсуждали они воззрения языковеда Н. Марра о несамостоятельном характере происхождения грузинского языка. Положения теории Марра глубоко западут в память Сосо Джугашвили, но лишь полвека спустя он недвусмысленно высказет свое отношение к ним...

Здесь следует ответить на немаловажный вопрос: сохранил ли воспитанник православной семинарии Сосо православное вероучение в душе своей до зрелых дней, став во главе великого Советского Союза?

Скажем сразу, что ни одного свидетельства на этот счет, исходившего от самого Сталина, нам найти не удалось. Нет и никаких достоверных свидетельств очевидцев. Все это так. Но можно бесспорно предположить, что оставался он в душе человеком православным. Доказательства?

Познакомился Сосо в семинарии, конечно, и с представителями марксистски настроенной интеллигенции Тифлиса. С начала 1893 года здесь существовала «Месаме даси» («Третья группа»), в которую входили М. Цхакая, Э. Ниношвили, Н. Жордания, С. Джибладзе, И. Рамишвили, Н. Чхеидзе и другие. Печатным органом «Месаме даси» стала с 1897 года газета «Квали» (ранее это был журнал).

С самого начала «Месаме даси» не была однородной: большинство ее участников, возглавляемое Ноем Жордания, выступало против марксистского понимания классовой борьбы, проповедовало буржуазный национализм. Эти люди впоследствии составили ядро, основу грузинского меньшевизма. Почти все они были старше Сосо и умели хорошо излагать свои мысли, умели красиво и высокопарно говорить, прибегая к штампованным ораторским приемам, а паренек из Гори этого не умел да и не захотел обучаться ничему подобному. Посещая редакцию «Квали» (туда его привел Ладз Кецохели), Сосо внимательно слушал красноречивые излияния будущих меньшевиков, но что-то ему в этих речах не нравилось. Он стал задавать ехидные вопросы, возражать...

Познакомившись с подпольными марксистскими кружками, Сосо убедился в необходимости изменить характер занятий в кружке своих товарищей по семинарии, но сразу же натолкнулся на противодействие некоторых из них. Тогда на одном собрании он предложил дополнить программу занятий экономическими и социалистическими науками, изучать теорию социализма и историю рабочего движения. Большинство товарищей согласилось с ним, и к песне 1896 года в семинарии выделилась отдельная группа, руководимая Сосо. Была собрана нелегальная библиотека, стал выходить рукописный журнал на грузинском языке, где трактовались спорные вопросы, обсуждаемые на страницах «Квали». Так как собираться в семинарии и хранить НІМ запрещенные книги из-за слежки начальства было невозможно, участники кружка за пять рублей в месяц сняли комнату, где и собирались один-два раза в неделю, в послеобеденные часы, до переключки. Сюда же была перенесена и библиотечка.

Сосо знакомится с «Коммунистическим манифестом» и другими доступными российскому читателю произведениями Маркса и Энгельса, читает Плеханова. Чуть позднее, в конце 90-х годов, к нему попадают работы Тулина (В. И. Ленина), направленные против народничества, «легального марксизма» и «экономизма». То, что он узнает из чтения этих книг, настолько соответствует его собственным мыслям, его личному опыту, что возникает страстное желание познакомиться с этим человеком, мыслящим столь логично и всесокрушающе.

Читал Сосо и художественную литературу, брал ее в так называемой «дешевой» библиотеке, открывшейся в 1888 году в Тифлисе. Покупать книги он не мог – не было денег, а в дореволюционной России книги, особенно научные, стоили недешево. В букинистических же магазинах было так много интересного! Выручала память: часами простаивал семинарист в букинистических лавках, выхватывая интересующие его места, закрепляя их в памяти.

Семинарское начальство, конечно, не могло не заметить, что ученики что-то потаенно читают, оживленно спорят. В семинарии появились доноски. Записи в Кондуитном журнале приобретают теперь иной характер.

Ноябрь 1896 года: «Джугашвили, оказалось, имеет абонементный листок из Дешевой библиотеки, книгами которой он пользуется. Сегодня я конфисковал у него сочинение В. Гюго «Труженики моря», где нашел и названный листок». На донесении пометка: «Наказать продолжительным карцером. Мною был уже предупрежден по поводу посторонней книги – «93-й год» В. Гюго».

Март 1897 года: «В 11 часов вечера мною отобрана у Джугашвили Иосифа... книга «Литературное развитие народных рас» Летурно, взятая им из «дешевой библиотеки»; в книге оказался абонементный листок. Читал названную книгу Джугашвили на церковной лестнице. В чтении книг из «дешевой библиотеки» названный ученик замечается уже в 3-й раз. Книга представлена мною о. инспектору». Резолюция: «По распоряжению о. Ректора – продолжительный карцер и строгое предупреждение».

...В начале 1898 года молодой пропагандист Сосо Джугашвили пришел в кружок рабочих Главных железнодорожных мастерских Тифлиса. Вот что он говорил об этом впоследствии: «Я вспоминаю 1898 год, когда я впервые получил кружок из рабочих железнодорожных мастерских. Это было 28 лет тому назад. Я вспоминаю, как я на квартире у товарища Стурца в присутствии Сильвестра Джигладзе (он был тогда тоже одним из моих учителей), Закро Чодришвили, Чхеидзе, Михо Богоридзе, Нинуа и других передовых рабочих Тифлиса получил первые уроки практической работы. В сравнении с этими товарищами я был тогда молодым человеком. Может быть, я был тогда немного больше начитан, чем многие из этих товарищей. Но, как практический работник, я был тогда, безусловно, начинающим. Здесь, в кругу этих товарищей, я получил тогда первое свое боевое революционное крещение. Здесь, в кругу этих товарищей, я стал тогда учеником от революции. Как видите, моими первыми учителями были тифлисские рабочие...»

Несмотря на неопытность молодого пропагандиста, первые же его выступления в кружках запомнились рабочим. Впрочем, совсем неопытным Сосо тогда считать было нельзя: в семинарском кружке он уже кое-чему научился. Воспоминания слушателей Сосо позволяют нам представить методы его работы в кружке. Более всего занятия походили на товарищескую беседу. К каждому выступлению пропагандист тщательно готовился: перед ним лежала записная книжка или листки мелко исписанной бумаги. Речь его была насыщена примерами. Задавая рабочим много вопросов, Сосо старался тщательно отвечать на все встречные вопросы и не переходил к новой теме, пока не убеждался, что его поняли. Отвечать не торопился, слова свои обдумывал. В конце занятий подводил итоги. (Уже виден будущий Сталин.)

Занятия Сосо вел в нескольких рабочих кружках. Всего в Тифлисе их тогда насчитывалось около двадцати; они были связаны между собой, имели общие планы занятий. В том же 1898 году Джугашвили, стремясь сделать свои собеседования понятными и интересными для рабочих, составляет Программу занятий в марксистских рабочих кружках. К сожалению, текст этой программы не обнаружен до сих пор, и мы не можем судить о ней, но сам тот факт, что девятнадцатилетний семинарист берет на себя смелость составить программу для рабочих кружков и что программа эта не просто просветительно-образовательная, должен соответствующим образом характеризовать ее автора.

Активность Джугашвили и его товарищей – Л. Кецховели, А. Цулукадзе – была тем досаднее для оппортунистов из «Месаме даси», что эти молодые революционеры в своих пропагандистских, агитаторских, организационных устремлениях явно следовали примеру ленинского Союза борьбы за освобождение рабочего класса.

Одной из таких демонстраций, показателем роста политической сознательности тифлиских рабочих, была первая нелегальная маевка 1899 года. Она состоялась 19 апреля за городом, в пустынной местности Грма-Геле. В подготовке ее участвовал Сосо Джугашвили.

Собрать удалось около семидесяти рабочих. Могло бы быть и больше, но маевка совпала с пасхальными праздниками, и многие рабочие уехали в родные деревни – к семьям. На холме водрузили красное знамя. Около него говорили о значении праздника 1 Мая, о роли пролетариата в революционной борьбе.

Тем временем семинарское начальство стало догадываться, что Джугашвили ведет какую-то весьма опасную работу. Записи в Конduitном журнале начинают приобретать угрожающий характер:

28 сентября 1898 года: «В 9 часов вечера в столовой инспектором была усмотрена группа воспитанников, столпившихся вокруг воспитанника Джугашвили, что-то читавшего им... Оказалось, что Джугашвили читал посторонние, не одобренные начальством семинарии книги, составлял особые заметки по поводу прочитанных им статей, с которыми и знакомил воспитанников...»

16 декабря 1898 года: «Джугашвили Иосиф во время совершения членами инспекции обыска у некоторых учащихся V-го класса несколько раз пускался в объяснения с членами инспекции, выражал в своих заявлениях недовольство производимыми время от времени обысками среди учеников семинарии и заявил при этом, что-де ни в одной семинарии подобных обысков не производится. Ученик Джугашвили вообще непочтителен и груб в обращении с начальствующими лицами, систематически не кланяется одному из преподавателей...»

Помета из донесения: «Сделан был выговор. Посажен в карцер, по распоряжению о. инспектора, на 5 часов. Иеромонах Дмитрий».

Этот самый инспектор Дмитрий Абашидзе был главным врагом Сосо в семинарии. Он вел постоянную слежку за подозрительным семинаристом, он и настоял на том, чтобы Сосо вывели двойку по поведению. Хотя весной 1899 года Иосиф с легкостью сдал экзамены и перешел в следующий класс, Абашидзе вновь поднял вопрос о Джугашвили на заседании правления семинарии, подчеркивая его главенствующую роль в недопустимых диспутах. Настойчивость инспектора принесла наконец плоды: 29 мая 1899 года Иосиф Джугашвили из семинарии был исключен.

Прекратить революционную деятельность, хотя бы на время отстраниться от нее не приходило ему в голову. Надо было только решить: что делать, как жить? Некоторое время Иосиф перебивался уроками, не упуская и здесь случая преподнести своим ученикам кое-что «сверх программы».

В числе его учеников, к примеру, был Семен, также уроженец Гори. Он намеревался избрать военную карьеру, и репетитор должен был готовить его к экзамену по русскому языку: тут Семен был не слишком-то силен. Но знакомство с Сосо имело для него неожиданные результаты – вместо офицера он стал революционером. Так Сосо, можно сказать, оказался «крестным отцом» Семена Аршаковича Тер-Петросяна, известного в революционном движении под именем Камо. Кличку эту, только несколько позднее, придумал также Иосиф. Друзья постоянно поддразнивали Семена из-за его некоторых неправильностей русского языка. Однажды, собираясь исполнять какое-то поручение, Семен спросил:

– Камо отнести? (Вместо – кому).

– Эх ты, камо, камо, – рассмеялся Сосо.

Кличка прижилась...

В Тифлисской физической обсерватории с середины ноября 1899 года в должности наблюдателя работал товарищ Сосо по Горийскому духовному училищу и семинарии Вано Кецховели – младший брат Ладос Кецховели. Ему дали при обсерватории хилую комнату. Безработный и бездомный Иосиф Джугашвили часто приходил ночевать к Вано, а затем и вовсе там поселился. В конце декабря в обсерватории освободилось место наблюдателя, и в «Отчете Николаевской главной физической обсерватории за 1899 год» значится: «С 28-го декабря поступил на службу по вольному найму обучавшийся в Тифлисской духовной семинарии И. В. Джугашвили».

За рабочим районом Надзаладеви (или Нахаловка), километрах в пяти, находилось тогда небольшое Соленое озеро. Невысокие зеленые холмы окружали котловину, на дне которой поблескивала вода. В пасхальное воскресенье, 23 апреля, по дороге, извивавшейся среди полей и лугов, шли группы рабочих. У многих – узелки с продуктами. В условленном месте их встречали пикеты и направляли к месту маевки, которое было известно только организаторам.

Сосо и Стуруа выбрали место для проведения маевки. На квартире Стуруа было заготовлено красное знамя. Художник-самоучка изобразил на нем портреты Маркса и Энгельса. Были написаны лозунги и, подчеркнем это особо, исполнены были эти лозунги на трех языках: грузинском, армянском и русском. Здесь, на многонациональной окраине Российской империи, социал-демократы непрестанно заботились о единстве своих рядов.

На маевку собралось 400–500 рабочих – сверх самых радужных ожиданий организаторов. На возвышении развернули красное знамя, и Чодришвили открыл митинг. Среди прочих выступал и Сосо. На его долгом пути политического деятеля то было первое появление перед большим собранием людей.

В качестве «предупредительной меры» в марте – апреле 1901 года полиция арестовала ряд социал-демократов. В ночь на 22 марта в отсутствие Сосо на его квартире был произведен обыск. Жандармский ротмистр Рунич доносил 23 марта: «...Принимая во внимание, что... служащий наблюдателем в физической обсерватории Иосиф Джугашвили ведет сношения с рабочими, принадлежит, весьма возможно, к социал-демократам... постановил привлечь названного Иосифа Джугашвили и допросить обвиняемым по производимому мною... исследованию степени политической неблагонадежности лиц, составивших социал-демократический кружок интеллигентов в г. Тифлисе».

Но «допросить обвиняемым» Иосифа Джугашвили не удалось: он бросил работу и перешел на нелегальное положение. Такс конца марта 1901 года, на долгие шестнадцать лет, вплоть до февральской революции, он сделался революционером-подпольщиком. Теперь у него не будет ни постоянной работы, ни собственного жилья, ни настоящих документов, ни подлинного имени. Его ждут слежки и обыски, аресты, тюрьмы, ссылки. Единственным содержанием жизни Сосо станет борьба за дело трудящихся, и ничто не сможет свернуть его с избранного пути.

По тюрьмам и ссылкам

В 1901 году в Баку создали прекрасную типографию, известную в конспиративной переписке под названием «Нина», и в первых числах сентября 1901 года начали печатание нелегальной газеты «Брдзола» («Борьба»). Передовая первого номера нелегальной газеты, озаглавленная «От редакции», принадлежала двадцатидвухлетнему Сосо.

Это первое известное нам политическое произведение И.В. Джугашвили-Сталина.

Обращает на себя внимание обнаруженное автором понимание единства интересов грузинских социал-демократов и социал-демократов России, понимание, свойственное в ту пору, да и позднее, отнюдь не всем: «Грузинское социал-демократическое движение не представляет собой обособленного, только лишь грузинского рабочего движения с собственной программой, оно идет рука об руку со всем российским движением и, стало быть, подчиняется Российской социал-демократической партии...» По мнению автора, «Брдзола» должна связывать и объединять борющихся русских и грузинских рабочих, «должна быть представителем Российской социал-демократической партии и своевременно сообщать читателю о всех тех тактических взглядах, которых придерживается российская революционная социал-демократия».

В воскресенье, 11 ноября, состоялась первая конференция Тифлисской организации РСДРП. 25 делегатов, представлявшие почти все тифлисские социал-демократические кружки, рассмотрели несколько вопросов и избрали Тифлисский комитет РСДРП. В состав комитета вошел и Иосиф. Вскоре, в конце ноября 1901 года, он отправляется в Батум.

Батум был тогда третьим после Тифлиса и Баку промышленным центром Закавказья. Через Батум вывозили нефтяные продукты из России. Ко времени появления Сосо Джугашвили в городе при населении в 30 тысяч человек было около 10 тысяч рабочих: грузины, армяне, русские, аджарцы, абхазцы, турки, греки и представители других народов своим тяжелым трудом создавали богатые прибыли для господ Нобилей, Ротшильдов, Манташевых, Хачатурянцев...

Жили рабочие в грязных предместьях: Барцхане, Городке. Особенно «колоритным» был поселок «Чаоба» – от слова «болото». На топкой земле были разбросаны кое-как построенные домики. В дождливое время, по колено в грязи, с трудом добирались хозяева до своих жалких лачуг.

Но приезде Иосиф нашел сплоченную группу рабочих: Сильвестр Тодрия, Константин Канделаки, братья Илларион и Дарсинан Дарахвелидзе, Герасим Каладзе и другие уже прошли немалую жизненную школу, были знакомы социал-демократическими идеями, стремились к решительной борьбе за свои права. И все же Иосиф остался ими недоволен.

На первом же собрании Иосиф сказал своим слушателям:

– Товарищи, я прислан к вам тифлисскими рабочими. Вы, наверное, знаете, что тифлиские рабочие проснулись ото сна и встали на борьбу. Батумские же рабочие, можно сказать, еще не проснулись. Я призываю вас последовать примеру ваших тифлисских собратьев по классу...

Отношения Иосифа с И. Рамишвили и Н. Чхеидзе, будущими столпами грузинского меньшевизма, сразу же стали враждебными. Не смущаясь этим, Сосо вместе с наиболее активными рабочими подготавливает оформление батумской общегородской организации революционных социал-демократов. На этом пути его ждал успех. В конце 1901 года в городе действовало по крайней мере 11 кружков, в которых объединялись рабочие разных национальностей.

В Гурии с давних пор была традиция встречи Нового года – «каланда». Вечером 31 декабря 1901 года на глухой окраине Батума за праздничным столом собрались необычные гости. Под видом новогоднего праздника 25–30 батумских рабочих встретились на социал-демократическом собрании.

Все было как водится: и вино, и снедь, и тамада – Михя Табуния, только речи резко отличались от обычных для такого рода застолий. Иосиф говорил несколько раз: об организации подпольной работы, стачек и демонстраций, о методах борьбы... Когда в комнату стал проникать свет зари, Иосиф позволил себе лирическое отступление:

– Вот уже и рассвет... Скоро встанет солнце... Так же светло будет нам, товарищи, в будущем, когда мы добьемся победы. Солнце будет светить для нас!

Плоды работы Сосо и его товарищей обнаружались на предприятиях Батума уже в начале 1902 года, и в первую очередь – в успехах забастовок. 26 февраля на заводе Ротшильда было вывешено объявление о расчете с 12 марта 389 рабочих. На следующий день забастовали все, требуя никого не увольнять.

Иосифа Джугашвили в Батуме в этот день не было. За десять дней до того, 17 февраля 1902 года, охранка арестовала почти всех членов Тифлисского комитета, и он поехал в Тифлис, чтобы выяснить обстановку и приобрести типографский материал. За «учителем» срочно был послан гонец, и он немедленно возвратился.

Через центр города манифестация направилась к тюрьме, но здесь полиция при помощи войск задержала более трехсот рабочих. С утра у пересыльных казарм, где содержались все арестованные, собралась многотысячная толпа – рабочие, их друзья, жены, дети. Открыто были подняты красные знамена, раздавались революционные песни. Не лишне будет подчеркнуть, что социал-демократы организовывали подчеркнуто мирную демонстрацию. Рабочие сознательно пришли без оружия (хотя некоторое количество револьверов имелось тогда в распоряжении комитета) и не думали о нападении на солдат. Руководители демонстрации (и в том числе Иосиф, одетый в рабочую блузу) находились тут же, в толпе.

Тем не менее власти применили оружие. Рабочие не подчинились, и тогда был открыт огонь. Толпа обратилась в бегство; на месте остались 14 убитых и 54 раненых. Подобной расправы еще не случалось в Закавказье. С начала века это было второе в России кровопролитие подобного размаха (первое – событие на Обуховском заводе за год до того).

Иосиф Джугашвили во время стрельбы находился в толпе: жандармские документы утверждают, что его видел там пристав 4-го участка Батума. Из воспоминаний рабочих известно также, что Иосиф вывел из толпы и доставил на квартиру раненого Геронтия Каландадзе.

Кровавое побоище произвело страшное впечатление на рабочих, но забастовка продолжалась. На следующий день, 10 марта, социал-демократы выпустили листовку, посвященную тем событиям. В день похорон, 12 марта, распространялась вторая. Вероятнее всего, что обе они принадлежали перу молодого Джугашвили.

Полиция наконец сумела нанести ощутимый урон батумским социал-демократам: 5 апреля 1902 года на квартире И. Дарахвелидзе в «Лиман-Мелье» были арестованы И. Джугашвили, К. Канделаки, Д. Дарахвелидзе и член нелегального гимназического кружка Вано Рамишвили. При обыске, однако, ничего особенного полиции найти не удалось (обстоятельство, свойственное всем последующим арестам И. Джугашвили-Сталина и свидетельствующее о его искусной конспирации), и товарищи Иосифа были вскоре выпущены. Самого же его засадили в тюрьму надолго.

Власти хорошо понимали, кто именно очутился у них в руках. В жандармском документе отмечалось, что Джугашвили «являлся главным руководителем беспорядков, произведенных батумскими рабочими... Руководя делом, Джугашвили держал себя в стороне, и потому не все рабочие знали о нем, с рабочими же постоянно соприкасался Канделаки, известный в рабочей среде за «помощника учителя».

Бесспорных улик против Иосифа Джугашвили было, однако, не так уж много. Поэтому он попытался создать себе алиби. В одном из жандармских документов сообщалось: «8-го сего апреля при свидании арестантов с посетителями одним из арестантов были выброшены на

тюремный двор 2 записки, из коих в одной автор просит неизвестного адресата «передать в Гори, что Сосо Джугашвили арестован», а также «сейчас же сообщить об этом матери на тот конец, что если жандармы спросят ее: «когда твой сын выехал из Гори», то сказала бы: «все лето и зиму до 15 марта находился здесь (в Гори)...», а во второй записке просят какого-то Иллариона: «если приехал посланный в Тифлис человек, то скажи, чтобы он привез Георгия Елисабедова и вместе с ним пусть направил бы дело».

Поскольку записки попали к жандармам, они смогли арестовать их адресатов: учителя Сосо Иремадзе в Гори и Георгия Елисабедашвили в Тифлисе. Правда, ничего отягчающего вину И. Джугашвили от этих арестованных жандармы не добились и вынуждены были вскоре отпустить их. Безрезультатным был и обыск в Гори, допрос матери.

Следственная рутина тянулась обычным путем: допросы, очные ставки, запросы в другие города и учреждения. Лишь 17 июля 1902 года жандармы составляют описания своего узника: «Рост 2 аршина, 4,5 вершка (165–166 см). Телосложение среднее. Возраст – 23. Особые приметы: 2 и 3 пальцы на левой ноге срослись. Наружность: обыкновенная. Волосы: темно-коричневые. Борода и усы: коричневые. Нос: прямой и длинный. Лоб: прямой, но низкий. Лицо: длинное, смуглое и рябое».

В тюрьме он, чтобы не раскиснуть, с первых же дней установил для себя строгий распорядок: с раннего утра – гимнастика, затем изучение иностранного языка и, главное, чтение, чтение, чтение... Режим в тюрьме был не слишком строгим: она была заполнена битком, и администрация не всегда могла пресечь попытки арестантов к общению с волей. Иосиф сумел довольно быстро снестись с оставшимися на свободе товарищами, получал от них сведения о происходившем и даже писал листовки.

Следователи не торопились; более года просидел Иосиф Джугашвили в батумском тюремном замке. Поскольку администрации было известно, что он успешно поддерживает контакт с товарищами, оставшимися на воле, 19 апреля 1903 года его и группу других арестованных переводят в Кутаисскую тюрьму.

Когда заключенные с убогими своими пожитками собрались на тюремном дворе, произошла заминка: Иосиф, поддержанный товарищами, потребовал, чтобы для вещей администрации наняла подводу, а для заключенной женщины – Натальи Киртадзе-Сихарулидзе – извозчика. Требования арестантов пришлось удовлетворить. В Кутаиси, по выходе из вагона, Джугашвили закричал:

– Пропустите Наташу вперед, пусть все видят, что и женщины борются!

Иосифа поместили в так называемый «первый секрет» Большой тюрьмы. Кутаисская тюрьма славилась своим суровым режимом даже среди других узилищ России. Но и эти строгости не изменили поведения Иосифа. Еще в Батуме его характер был хорошо знаком тюремщикам, не раз и не два они имели возможность убедиться в твердости и настойчивости этого заключенного: Сосо неизменно во главе всех протестов против попыток ущемления прав и достоинств политических заключенных.

Не замедлил он проявить себя и в Кутаисской тюрьме. Вскоре по прибытии, 16 июля, Сосо организует забастовку заключенных. Волнения были настолько серьезными, что в тюрьму пожаловали губернатор и прокурор. Вызванный к начальству организатор выступления стоял на своем, и требования были в основном удовлетворены: политических заключенных перевели в общую камеру отдельно от уголовников; каждому разрешили, чтобы не спать на цементном полу, приобрести за свой счет тахту и т. д.

Наталью Киртадзе в кутаисском замке поместили в отдельную камеру. Тоска одолела ее, и заключенная подолгу плакала. Но вскоре она получила записку: «Что означают, орлица, твои слезы? Неужели тюрьма надломила тебя?» Написана она была рукой Иосифа.

Главное тюремное управление Министерства юстиции 17 августа 1903 года сообщало губернатору Батумской области: «На основании высочайшего повеления, последовавшего 9

июля 1903 года по всеподданнейшему докладу министра юстиции, крестьянин Иосиф Виссарионович Джугашвили за государственное преступление подлежит высылке в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции сроком на три года».

Этап постепенно собрался. К тюремному зданию пришли родственники и друзья высланных. У Иосифа не было в Батуме родных, но зато товарищей по борьбе – многие сотни. Ссылные, окруженные конвойными солдатами, вышли из ворот. Этап направился к пристани, откуда через несколько часов должен был отойти товарно-пассажирский пароход на Новороссийск.

Путь был неблизкий: Новороссийск, Ростов, Царицын, Самара и далее по бесконечной Транссибирской магистрали... Для Иосифа то было первое, хоть и подневольное, путешествие по России, он еще не знал и не представлял, насколько отличается от родного ему Закавказья, к примеру, Восточная Сибирь, куда его забросила судьба.

Село Новая Уда Балачанского уезда Иркутской губернии, назначенное Иосифу местом проживания, затерялось в глухой тайге на знаменитом Жигаловском тракте, по которому перегоняли этапы заключенных. Этапу приходилось пробираться сквозь таежные сопки, переправляться много раз через реки и болота, чтобы добраться до Новой Уды от железной дороги. Легче было доехать зимой, по санному пути.

Иосиф Джугашвили прибыл в Новую Уду 27 ноября 1903 года. Поселился он в Заболотье у крестьянки Марфы Ивановны Ливинцевой, в доме на краю болота. Большая перегороженная комната с огромной русской печью, в переднем углу – стол, у перегородки – топчан.

Задерживаться в ссылке Иосиф не намеревался и времени даром не терял: он успел осмотреться, подготовиться к побегу. Первая попытка не увенчалась успехом: путник по неопытности не принял в расчет суровость сибирской зимы, замерз и даже слегка обморозил лицо. Пришлось возвратиться, запастись одеждой потеплее, и снова – в побег. Исправник Балачанского уезда сообщал в Иркутск 6 января 1904 года: «Новоудинское волостное правление донесло, что административный Иосиф Джугашвили 5 января бежал, приняты меры, телеграфировано в Красноярск...» Но задержать его не удалось. Крестьянин-ямщик довез беглеца до станции Зима, там он благополучно сел в поезд и спустя некоторое время был уже в Закавказье.

Приехал он не в Гори, где жила мать, и не в Тифлис, он поспешил в Батум – там ждали его товарищи по борьбе.

Почти за два прошедших года, в течение которых он был оторван от работы, в социал-демократическом движении Закавказья произошли немалые перемены. Раскол, имевший место на II съезде РСДРП, где четко определялись большевистско-революционное и меньшевистско-оппортунистическое направления в партии, разумеется, давал себя знать и в Закавказье. Вернувшиеся со съезда меньшевики сразу же повели раскольническую деятельность.

Внешняя причина раскола известна. Однако за внешними – и что бы ни говорили противники – малозначащими партийными обрядами стояло нечто весьма судьбоносное в дальнейшем пути России. Меньшевики почти сплошь состояли из евреев (украинских, польских, литовских, немецких). Следуя букве марксистского космополитического учения, они совершенно пренебрегали традициями исторической России, ее рабочими и крестьянами, всеми созидателями и собирателями. Напротив, Ленин, Сталин и большинство их сторонников исходили из российских интересов, оставаясь, разумеется, интернационалистами. Вот почему Ленин, а не Мартов (Цедербаум) стал у руля России в 1917-м, вот почему Сталин, а не Троцкий (Бронштейн) начал строить великое Советское государство.

Вот в такой момент Коба и возвратился в Тифлис. Требовалось какое-то время, чтобы разобраться в происходящем, определить свою позицию и встать на чью-то сторону. Коба не колебался: его симпатии на стороне большевиков. Был усилен и Кавказский союзный комитет РСДРП. Наряду с В. С. Бобровским и С. Г. Шаумяном в состав комитета был кооптирован и Коба.

Некоторое время весной 1904 года Коба провел в Гори, у матери. Почти двухлетнее пребывание в тюрьме и ссылке отразилось на его здоровье. По свидетельству В. Кецохели, навещившего Кобу в апреле этого года, он похудел и выглядел утомленным.

Известные нам обстоятельства из личной жизни И. В. Джугашвили-Сталина того периода очень скудны, воспоминаний почти не сохранилось. Можно лишь упомянуть, что в том же 1904 году он женился на Екатерине Семеновне Сванидзе.

Хорошо известно, что семейная жизнь русских революционеров всегда и везде подчинялась интересам дела, тем более у такого человека, как Коба. В Гори он не задержался, а отправился в Баку. Дело в том, что в мае 1904 года руководство Бакинским комитетом РСДРП захватили меньшевики, и Кавказский союзный комитет принял меры к тому, чтобы исправить положение.

На этот раз Коба в Баку долго не оставался. Ему поручили другие важные и сложные задания; все лето 1904 года он провел в разъездах по Закавказью, выступал на дискуссиях против меньшевиков, анархистов.

Заканчивался 1904 год. Неудачная для России война с Японией усугубила революционное брожение в стране.

В Закавказье либерально-буржуазные и дворянские группы также включились в эту «банкетную кампанию». Закавказские меньшевики предлагали рабочим принимать участие в банкетах либералов и выступать там с заявлениями о поддержке их конституционных пожеланий.

На одном из таких собраний в Тифлисе выступал Коба. Банкет состоялся в зале Артистического общества. Готовились к нему долго, и собралось более 700 человек. «Цвет» тифлисской интеллигенции и буржуазии, заполнив концертный зал и примыкающие помещения, намеревался продемонстрировать «свою политическую зрелость».

Готовились и большевики. Петр Монтин, бывший ученик Кобы по кружку, сколотил надежную группу рабочих-железнодорожников. Заранее добыли гостевые билеты. Придя поодиночке на банкет, рабочие сгруппировались вокруг Кобы и Монтин, до поры до времени делая вид, что не знакомы друг с другом.

С самого начала банкета стало ясно, кто и с какими целями организовал его. Присутствующим была роздана подготовленная резолюция. Председатель собрания и его товарищи были определены без голосования, и это вызвало недоумение тех, кто не был посвящен в механику происходившего.

Председатель сразу же объявил, что ораторы не должны выходить из отведенных заранее рамок и завершиться собрание должно принятием выработанной резолюции. Это вызвало протест: в противовес навязанной резолюции большевики передали в президиум свою. Прочитав ее, председатель побелел и категорически отказался огласить. В зале поднялся шум, послышались крики:

– Цензура не нужна!

Слово попросил Коба и, разумеется, его не получил. Тогда по знаку Монтин рабочие окружили Кобу, он поднялся на стул и, несмотря на крики, произнес краткую речь, завершив ее призывом:

– Долой самодержавие!

Лозунг тотчас подхватили рабочие и некоторая часть публики. Это произвело на всех остальных громадное впечатление. Все смешалось, часть испуганных либералов оросилась к выходу, другие стали теснить рабочую группу. Монтин подал сигнал, после чего большевики выбрались из зала и с предосторожностями, по одному, разошлись.

Первая русская революция началась с событий 9 января в Петербурге. Совпадение, конечно, случайное, но 8 января в нелегальной авлабарской типографии Кавказского союзного комитета была отпечатана листовка «Рабочие Кавказа, пора отомстить!». Написал ее Коба.

«Русская революция неизбежна. Она так же неизбежна, как неизбежен восход солнца!.. Пора разрушить царское правительство! И мы разрушим его!»

Напряжение в Закавказье, как и во всей стране, стремительно нарастало. В Батуме 17 января забастовали портные рабочие и железнодорожники. Спустя сутки началась политическая стачка в Тифлисе, к 20 января она стала всеобщей. В тот же день началась забастовка в Кутаиси. Бастовали рабочие в Сухуми, Поты, Чиагурах... В Баку 6–9 Февраля произошли кровавые вооруженные столкновения между армянским и азербайджанским населением.

Коба в это время трудится с величайшим напряжением: 13 февраля он пишет листовку «Да здравствует международная солидарность!» – о событиях в Баку, 15 февраля – листовку «К гражданам» – о многолюдной демонстрации в Тифлисе. Коба все время в разъездах: он организует, наставляет, доказывает, спорит... Одной из самых ожесточенных схваток с меньшевиками стала для Кобы дискуссия в Батуме в апреле 1905 года. Ненависть оппортунистов к Кобе беспредельна.

В мае 1905 года появилась брошюра Кобы «Коротко о партийных разногласиях». Позиция Кобы была выражена в четких и строгих формулировках, понятных и доступных читателям-рабочим. Вот что писал он о назначении российской социал-демократии: «Наша обязанность, обязанность социал-демократии, – совлечь стихийное движение рабочих с тред-юнионистского пути и поставить его на путь социал-демократический. Наша обязанность – внести в это движение социалистическое сознание и объединить передовые силы рабочего класса в одну централизованную партию. Наша задача – идти всегда во главе движения и неутомимо бороться со всеми – будь то враг или «друг», – кто будет мешать осуществлению этих задач».

В октябре всю страну охватывает политическая стачка, в Тифлисе она стала всеобщей 15-го числа. Остановились предприятия и городской транспорт, прекратили подачу энергии электростанции, закрыты почта и телеграф, магазины, лавки. Прекратились занятия в школах, перестали выходить газеты...

Николай II 17 октября 1905 года подписал манифест, в котором обещал даровать свободу совести, собраний и союзов...

Весть о царском манифесте пришла в Тифлис в ночь на 18 октября. С утра на Головинском проспекте у редакции газет собрались толпы народа.

На митинге верховодили меньшевики. Начало положили Н. Жордания и И. Рамишвили. Последний торжественно возглашал:

– Отныне самодержавия нет, самодержавие умерло! Россия входит в ряды конституционных государств!

Затем последовали лозунги, призванные запутать рабочий класс:

– Мы не хотим оружия, долой оружие!

Настроение огромного митинга было благодушным: как же, бескровная победа, зачем еще и оружие! Но большевики, не смущаясь этим, стали рассеивать конституционные иллюзии собравшихся.

Выступил и Коба.

– У вас одна плохая привычка, – заявил он, – о чем я должен вам прямо сказать: кто бы ни вышел и что бы ни сказал, вы встречаете с радостью и аплодисментами. Вам говорят: «Да здравствует революция!» – вы аплодируете. «Да здравствует свобода!» – вы аплодируете, это хорошо. Но когда говорят: «Долой оружие!», вы и этому аплодируете. Какая революция может победить без оружия и кто тот революционер, который говорит: долой оружие? Оратор, который это говорит, наверное толстовец, а не революционер, и, кто бы он ни был, он враг революции, свободы и народа!

В толпе послышались голоса:

– Кто это такой? Кто говорит?

А Коба продолжал:

Что нужно, чтобы действительно победить? Для этого нужны три вещи, хорошо поймите и запомните: первое, что нам нужно, – вооружение, второе – вооружение, третье – еще и еще раз вооружение!

Раздались громкие аплодисменты...

Надвигался декабрь 1905 года – наивысшая точка революции. Провести его Кобе суждено было вдали от Грузии. С мандатом от Кавказского союзного и Тифлисского комитетов он уехал на IV съезд РСДРП. Вместе с ним ехал Г. Тевия.

К 10 декабря в Петербург съехалась только часть делегатов: декабрьская всеобщая забастовка и вооруженное восстание сделали невозможным приезд остальных. Было решено провести вместо съезда большевистскую конференцию. Она проходила с 12 по 17 декабря в Таммерфорсе (Финляндия). Здесь Коба впервые увидел Ленина. Об этом он рассказывал так:

«Я надеялся увидеть горного орла нашей партии, великого человека, великого не только политически, но, если угодно, и физически, ибо Ленин рисовался в моем воображении в виде великана, статного и представительного. Какого же было мое разочарование, когда я увидел самого обыкновенного человека, ниже среднего роста, ничем, буквально ничем не отличающегося от обыкновенных смертных...»

В этих словах, сказанных Сталиным в январе 1924 года, когда Ленина уже не было в живых, после того как сам он за двадцать лет повидал немало и по-настоящему незаурядных, и выпяренных «великих» деятелей, все еще звучит наивная уверенность не потерявшего романтизма молодого человека. Кроме того, родился этот молодой человек на отдаленной азиатской окраине России, где понятия о величии не всегда соответствовали европейским...

Слова эти хорошо известны всему миру, их толкуют по-разному. Злопыхатели глумятся. Однако при спокойно-объективном восприятии видно, как точно Сталин передал свои молодые чувства, такое может сделать только тот, кто обладает литературным дарованием.

Тут же следует договорить до конца. Всю жизнь – и при работе непосредственно с Лениным, и тридцать лет после него – Сталин отзывался о нем с величайшим уважением. Как талантливый политик, он прекрасно понимал, что ему не след хоть как-то бросать тень на человека, чье дело он унаследовал. (Полной противоположностью у нас был болтливый шут Никита Хрущев, да и разве он один!)

Центральными на конференции были, конечно, две речи Ленина – о текущем моменте и об аграрной революции. Вот впечатления Кобы: «Это были вдохновенные речи, приведшие в бурный восторг всю конференцию. Необычайная сила убеждения, простота и ясность аргументации, короткие и всем понятные фразы, отсутствие рисовки, отсутствие головокружительных жестов и эффектных фраз, бьющих на впечатление, – все это выгодно отличало речи Ленина от речей обычных «парламентских» ораторов.

Но меня пленила тогда не эта сторона речей Ленина. Меня пленила та непреодолимая сила логики в речах Ленина, которая несколько сухо, но зато основательно овладевает аудиторией, постепенно электризует ее и потом берет в плен, как говорят, без остатка. Я помню, как говорили тогда многие из делегатов: «Логика в речах Ленина – это какие-то всеисильные щупальца, которые охватывают тебя со всех сторон клещами и из объятий которых нет мочи вырваться: либо сдавайся, либо решайся на полный провал».

Конференция в Таммерфорсе прошла с подъемом: в России повсеместно шли вооруженные выступления, делегаты готовились к бою. В перерывах они учились стрелять. По предложению Ленина конференция спешно завершила работу, и делегаты разъехались, торопясь поспеть к самым главным событиям.

В этой накаленной обстановке от социал-демократов требовалось сплочение рядов. Подготовка к IV съезду в Грузии с начала 1906 года шла в ожесточенной борьбе. В силу ряда при-

чин возобладала оппортунистическая линия: из одиннадцати делегатов, посланных Тифлисом на съезд, большевиком был только один – Коба.

Вновь с юга на север пересекает он Россию. В Петербурге выясняется, что, несмотря на объявленные царским манифестом свободы, провести в России съезд такой революционной партии, как РСДРП, нет возможности. Поэтому предстоит поездка в Швецию.

Первое в своей жизни путешествие за границу Коба совершил без особых приключений. Организаторы съезда не располагали обильными денежными средствами, и делегатов размещали на жительство по два-три человека вместе. Кобу поместили в небольшой комнатке на втором этаже; внизу шумели посетители питейного заведения – не то бара, не то ресторана. В комнатке уже находился другой жилец. Вот что писал он о встрече с Кобой (он называл себя Ивановичем) спустя многие десятилетия: «В эту же комнату вскоре поселили еще одного делегата съезда, по фамилии Иванович. Это был коренастый, невысокого роста человек, примерно моих лет, со смуглым лицом, на котором едва заметно выступали рябинки – следы, должно быть, перенесенной в детстве оспы. У него были удивительно лучистые глаза, и весь он был сгустком энергии, веселым и жизнерадостным. Из разговоров с ним я убедился в его обширных знаниях марксистской литературы и художественных произведений, он мог на память цитировать полюбившиеся ему отрывки политического текста, художественной прозы, знал много стихов и песен, любил шутку. Мы подружились...»

Поскольку до начала съезда еще оставалось время, делегаты Володин (Климент Ефремович Ворошилов) и Иванович (Коба) вместе бродили по городу, не слишком удаляясь от дома, так как не знали шведского языка. Все им было внове – и природа, и архитектура, и люди: все хотелось посмотреть, везде побывать.

Повестка дня съезда была чрезвычайно напряженной.

Сразу же выяснилось, что перевес сил на съезде – у меньшевиков: против 46 большевистских голосов они располагали 62. Это наложило отпечаток на ход съезда и предопределило характер основных принятых решений.

Делегат Иванович был очень активен на съезде. Он трижды выступал, неоднократно делал заявления и разъяснения. Знакомство с протоколами съезда, с результатами многочисленных голосований показывает, что Иванович всегда придерживался ленинских позиций.

Весьма темпераментным было выступление Иванoviча при обсуждении оценки текущего момента. Очень четко он охарактеризовал основу разногласий между большевиками и меньшевиками:

– Или гегемония пролетариата, или гегемония демократической буржуазии – вот какой вопрос стоит в партии, вот в чем наши разногласия.

Возвратившись в Грузию, Коба продолжает борьбу с меньшевиками.

Коба начал печатать один из главных своих дореволюционных теоретических трудов – «Анархизм или социализм?». Группа анархистов в условиях отступления революции вела ожесточенную кампанию против социал-демократов и достигла определенных успехов среди мелкобуржуазных и деклассированных элементов населения Грузии. Коба подверг в серии статей уничтожающей критике анархизм. В доступной и популярной форме он разъяснил грузинским читателям, что такое материализм и диалектика, что такое исторический материализм. Особо надо отметить совершенно необходимую в данном случае популярность изложения:

«Эта партия должна быть революционной партией, – и это потому, что освобождение рабочих возможно только революционным путем, при помощи социалистической революции.

Эта партия должна быть интернациональной партией, двери партии должны быть открыты для каждого сознательного пролетария, – и это потому, что освобождение рабочих – это не национальный, а социальный вопрос, имеющий одинаковое значение как для пролетария-грузина, так и для русского пролетария и для пролетариев других наций.

Отсюда ясно, что чем теснее сплотятся пролетарии различных наций, чем основательнее разрушатся воздвигнутые между ними перегородки, тем сильнее будет партия пролетариата...»

В середине апреля Коба поехал на V съезд РСДРП. Ному предшествовала жаркая схватка с меньшевиками. Кобу-делегата отстояли рядовые члены партии.

О том, чтобы провести съезд в России, и думать не приходилось, но оказалось, что в Европе не так-то уж много мест, где могли бы собраться без помех российские социал-демократы. Как и в прошлый раз, путь лежал через Финляндию. Затем – пароход на Стокгольм. Делегатов съезда на нем собралось несколько десятков. Сразу же по выходе в море они отбросили конспирацию, начали беседовать, затем спорить... В самый короткий срок палуба парохода заполнилась смеющимися и даже дурачащимися пассажирами третьего класса. Капитан, не понимая, что происходит, глядел на все это в изумлении...

Из Стокгольма отправились в Данию. Но здешнее правительство распорядилось, чтобы нежеланные гости немедленно оставили страну. Возвратились в Швецию, однако шведская полиция заявила, что через три дня делегаты должны покинуть страну, таково решение правительства. Отказались допустить съезд к себе и норвежские власти. С большим трудом удалось договориться о транзитном проезде через Данию и оттуда – пароходом в Англию.

Переход через Немецкое море прошел без помех. Публика на пароходе ехала респектабельная, и потертые пиджаки, залатанные ботинки многих делегатов, как и почти ионное отсутствие багажа, возбуждали подозрение у команды и пассажиров. Для западноевропейского буржуа скверно одетый человек – всегда подозрителен, а тут их целая толпа, да они еще русские революционеры! Особенно «живописно» выглядели некоторые делегаты с Кавказа – побоявшись ехать налегке, кое-кто из южан путешествовал в папахах и бурках.

V съезд, заседавший с 30 апреля по 19 мая 1907 года в Лондоне, был очень представительным (303 делегата с решающим голосом и 39 с совещательным от 150 тысяч членов партии). Большевики на съезде имели перевес: революция, отступавшая в России, многому научила социал-демократов, подтвердила правильность большевистской тактики.

Вновь, во второй раз, наблюдал Коба, как умело, выдержанно и в то же время темпераментно ведет борьбу со своими идейными противниками Ленин. «Я впервые видел тогда Ленина в роли победителя, – вспоминал позже Коба-Сталин. – Обычно победа кружит голову иным вождям, делает их заносчивыми и кичливыми. Чаше всего в таких случаях начинают торжествовать победу, почивать на лаврах. Но Ленин ни на йоту не походил на таких вождей. Наоборот, именно после победы становился он особенно бдительным и настороженным».

В работе съезда Коба участвовал с совещательным голосом, полномочия его и М. Цхакая яростно оспаривались меньшевиками в мандатной комиссии. В этот раз Коба на съезде не выступал, и в протоколах имеется лишь заявление делегатов Ивановича, Сурена и Борчалинского (Кобы, Шаумяна и Кахояна), в котором опровергались утверждения кавказских меньшевиков о якобы пролетарском составе их организаций, пославших на съезд так много делегатов-оппортунистов.

Очевидно, Коба вел тщательные записи, так как в июне – июле 1907 года в «Бакинском пролетарии» он опубликовал пространные «Записки делегата – «Лондонский съезд РСДРП». Характеризуя значение съезда, Коба писал: «Фактическое объединение передовых рабочих всей России в единую всероссийскую партию под знаменем революционной социал-демократии – таков смысл Лондонского съезда, таков его общий характер».

С цифрами в руках Коба доказал, что большевистские делегаты на съезд посылались от крупных промышленных районов, а меньшевистские – от ремесленных и крестьянских, и заключал: «Очевидно, тактика большевиков является тактикой тех районов, где классовые противоречия особенно ясны и классовая борьба особенно резка. Большевизм – это тактика настоящих пролетариев».

К подобному же выводу Коба пришел и при анализе национального состава делегатов: «Статистика показала, что большинство меньшевистской фракции составляют евреи (не считая, конечно, бундовцев), далее идут грузины, потом русские. Зато громадное большинство большевистской фракции составляют русские, далее идут евреи (не считая, конечно, поляков и латышей), затем грузины. По этому поводу кто-то из большевиков заметил шутя (кажется, тов. Алексинский), что меньшевики – еврейская фракция, большевики – истинно русская, стало быть, не мешало бы нам, большевикам, устроить в партии погром».

На съезде Коба встретился с А. С. Бубновым, К. Е. Ворошиловым, В. П. Ногиным, К. Н. Самойловым и другими. С этими людьми Кобе еще не раз придется встречаться и работать вместе: и в подполье, и в ссылке, и на гражданской войне... Но были и неприятные встречи. На съезде, к примеру, присутствовал Л. Д. Троцкий-Бронштейн, безуспешно пытавшийся сколотить свою центристскую группировку и неизменно скатывавшийся к поддержке меньшевизма. На съезде, по словам Кобы, «Троцкий оказался «красивой ненужностью». С этим «позером», как характеризовал Троцкого Ленин, Коба еще не раз столкнется...

В июне 1907 года Коба переезжает в Баку, дабы выбить меньшевиков из пролетарского центра Закавказья. Здесь ему удалось быстро и надежно устроиться. Знакомых было много, и среди них – семья Аллилуевых. Сергей Яковлевич Аллилуев, передовой русский рабочий, впервые увидел Сосо на маевке 1900 года. Были после этого и другие встречи. Летом 1907 года преследования полиции вынудили С. Аллилуева уехать в Петербург. Вот что он вспоминал:

«В конце июля по совету товарищей я направился к Кобе. Коба с женой жил в небольшом одноэтажном домике. Я застал его за книгой. Он оторвался от книги, встал со стула и приветливо сказал:

– Пожалуйста, заходи.

Я сказал Кобе о своем решении выехать в Питер и об обстоятельствах, вынуждающих меня предпринять этот шаг.

– Да, надо ехать, – произнес Коба. – Житья тебе Шубинский (бакинский градоначальник) не даст.

Внезапно Коба вышел в другую комнату. Через минуту-две он вернулся и протянул мне деньги. Видя мою растерянность, он улыбнулся:

– Бери, бери, – произнес он, – попадешь в новый город, знакомых почти нет. Пригодятся... Да и семья у тебя большая.

Потом, пожимая мне руку, Коба добавил:

– Счастливого пути, Сергей!»

Положение, сложившееся к тому времени в Баку, было сложным и своеобразным.

Местные богатеи все больше беспокоились о собственной безопасности. Это и немудрено при той крайней степени ненависти, которую они возбуждали у рабочих. Вот свидетельство очевидца: «С непривычки странно было видеть на главных улицах экипаж, в котором рядом с каким-нибудь нефтепромышленником или инженером торжественно восседал, а то и стоял на подножке сбоку рослый, смуглый, страшного вида человек, вооруженный до зубов, – то были телохранители, так называемые «кочи», без которых не обходился ни один видный бакинский воротила. Оригинальное зрелище представляла городская Дума в дни заседаний. Один за другим подъезжали экипажи, из которых вылезали местные тузы, а сопровождавшие их живописные телохранители оставались в ожидании внизу, в вестибюле, чтобы сопровождать их по окончании заседания домой. Та же картина – у подъезда театров и других публичных мест».

Однако главным назначением «кочи» была расправа с непокорными на промыслах, и тут они, стремясь запугать рабочих, заставить их подчиниться хозяевам, не стеснялись применять оружие. Случаи расправ с передовыми рабочими были не единичными явлениями. Так, в сентябре 1907 года в Биби-Эйбатском районе был убит Ханлар Сафаралиев.

Большевики Биби-Эйбата выпустили воззвание по поводу убийства своего товарища и организовали двухдневную забастовку. Инициатором ее был Коба. Он же стал одним из устроителей похорон. Полиция запретила сопровождать похоронную процессию музыкой, и тогда Коба предложил одному из своих товарищей, И. Вацеку:

– Разошли ребят по заводам, пусть, начиная от электрической станции, на заводах во время похоронной процессии дают гудки. Пусть гудят, пока виден будет гроб...

В похоронах 29 сентября приняло участие до 20 тысяч рабочих. В траурном молчании, под тревожные гудки заводив, демонстрировали бакинские пролетарии свое единство. Коба шел во главе процессии. На кладбище он выступил с речью. Утешая приехавшего из деревни отца Ханлара, Коба сказал:

– Не плачь, старик, ты – отец благородного сына...

Похороны Ханлара были одной из самых мощных демонстраций в Баку той поры.

«Я вспоминаю, – рассказывал Коба восемнадцать лет спустя, – далее 1907–1909 годы, когда я по воле партии был переброшен на работу в Баку. Три года революционной работы среди рабочих нефтяной промышленности закалили меня как практического борца и одного из практических местных руководителей. В общении с такими передовыми рабочими Баку, как Вацек, Саратовец, Фиолетов и др., с одной стороны, и в буре глубочайших конфликтов между рабочими и нефтепромышленниками – с другой стороны, я впервые узнал, что значит руководить большими массами рабочих. Там, в Баку, я получил, таким образом, второе свое боевое революционное крещение. Там я стал подмастерьем от революции».

...Баиловская тюрьма, где Кобе предстояло провести немало месяцев, была весьма своеобразным узилищем. Администрация еще не успела достаточно ужесточить режим, как это произошло во всех тюрьмах России после поражения революции, да и трудно было сделать это, так как тюрьма оказалась переполненной: рассчитанная на 400 человек, она вмещала тогда 1 500. Кобу поместили в камеру № 3, где уже содержалось немало знакомых ему товарищей, в том числе и Серго Орджоникидзе. Камера эта считалась большевистской, вокруг нее объединялись все большевики, содержащиеся в этой тюрьме, да и другие политические заключенные. Жили товарищи по камере коммуной: пища, чай, полученные с воли продукты – все было общим.

Камеру убирали по очереди, так же мыли посуду. Извне заключенные получали литературу, письма; даже письма из-за границы доходили к ним. На общих собраниях заключенные решали вопросы взаимоотношений с администрацией, снабжения, получения легальных журналов и газет, отношений с уголовниками (что было весьма важно, так как «блатные» все время стремились вторгнуться к политическим и навязать им свои «порядки»). Старостой коммуны одно время был Серго Орджоникидзе. Тюремная обстановка накладывает отпечаток на людей, особенно на молодых, берущих пример со старших. Баиловская тюрьма имела огромное влияние на тех, кто попал сюда впервые. Многие молодые рабочие, до того не искушенные в политике, выходили из тюрьмы профессиональными революционерами. По сути дела, тюрьма была пропагандистской и боевой революционной школой. Здесь все время шли споры по самым различным вопросам революционного движения. Как правило, Коба был либо докладчиком, либо оппонентом.

Спустя двадцать лет в газете «Дни», издававшейся в Праге эмигрантами-эсерами, были опубликованы воспоминания Семена Верещака, сидевшего в тюрьме вместе с Кобой. Воспоминания пронизаны злобой как вообще к большевикам, так и в особенности к Кобе.

И все-таки процитируем здесь несколько мест из них.

«Однажды в камере большевиков появился новичок... И когда я спросил, кто этот товарищ, мне таинственно сообщили: «Это – Коба»... Среди руководителей собраний и кружков выделялся как марксист и Коба. В синей сатиновой косоворотке, с открытым воротом, без пояса и головного убора, с перекинутым через плечо башлыком, всегда с книжкой...»

Эсера Верещака поражала убежденность Кобы, его обширные познания марксистской теории: «Марксизм был его стихией, в нем он был непобедим. Не было такой силы, которая бы выбила его из раз занятого положения. Под всякое явление он умел подвести соответствующую формулу по Марксу. На не просвещенных в политике молодых партийцев такой человек производил сильное впечатление. Вообще же в Закавказье Коба слыл как второй Ленин. Он считался «лучшим знатоком марксизма».

...Коба ждал решения своей судьбы. Жандармы долго разбирались, кто же попал им в руки. Наконец 4 августа начальник Бакинского жандармского управления постановил: «25 марта сего года членами Бакинской сыскной полиции был задержан неизвестный, назвавшийся жителем села Маглаки Кутаисской губернии и уезда Каносом Нижарадзе, у которого при обыске была найдена переписка партийного содержания. Произведенной по сему делу перепиской в порядке охраны выяснено, что Нижарадзе – крестьянин Дидо-Лиловского сельского общества Иосиф Виссарионов Джугашвили... был выслан под гласный надзор полиции на три года в Восточную Сибирь, откуда скрылся... Полагал бы Иосифа Виссарионова Джугашвили водворить под надзор полиции в Восточную же Сибирь сроком на три года».

Но высшее начальство было более «милостиво» к Джугашвили: 26 сентября состоялось постановление «особого совещания» о высылке его в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции на два года. Это постановление было утверждено министром внутренних дел 29 сентября, но только 4 ноября бакинский градоначальник отдает приказ о высылке.

9 ноября из ворот Баиловской тюрьмы вышел этап. Товарищи, зная, что у Кобы нет ни зимней одежды, ни обуви (он оставался все в той же сатиновой рубашке и мягких тапочках), передали ему полушубок, сапоги, кое-что еще из вещей. Не в первый раз Кобе идти по этапу, и далеко не в последний, но тяжелее, чем в этот раз, ему никогда не было. Революция потерпела поражение, это ясно, и хотя он уверен в конечной победе, но кто знает, когда революция разразится вновь и какие испытания суждено ему перенести до той поры? Угнетало его и другое: Екатерина Семеновна умерла, оставив сына, крошечного Яшу. Семья Сванидзе взяла мальчика к себе, но что с ним будет? Нет, никогда в жизни ему не было так тяжело!

Жизнь революционера, тем паче – подпольщика, просто-напросто не оставляла никаких возможностей для радостей семейной жизни. А Коба, выросший в семье, где он был окружен заботой родителей, особенно матери, семейный быт любил и ценил. Но не довелось ему, иной жребий избрал он. О его отношениях с первой женой Екатериной не известно ровным счетом ничего достоверного, поэтому не станем заниматься гаданиями.

Своего старшего сына Яшу ему почти не приходилось видеть. По сути, мальчик рос без отца, а мать он потерял во младенчестве, почти не помнил ее. Тяжела сиротская доля... Виноватых нет, ибо отец не бражничал и не гулял, а боролся за счастливую судьбу не только своего сыночка, но и всех больших и маленьких в России – всех, кто честно трудился. Вот почему Яков мало знал своего отца и горячей любви к нему не питал. К тому же нрав у него оказался неважный, позже отцу с ним пришлось немало помучиться.

Якова взяли в семью Александра (Алеши) Сванидзе, брата покойной Екатерины, тот был уже членом большевистской партии. Семья нашла средства, и ему довелось учиться в знаменитом Йенском университете, что «в Германии туманной». Сложный он оказался человек. Но о Якове заботились хорошо...

...Путь в Вологду – один из самых коротких: Москва – Бутырка, Ярославская тюрьма, знаменитая среди прочего своими толстыми тюремными решетками, дарованными купцом Демидовым, и – вот она, Вологда, с ее далекими уездами, разбросанными на сотни верст! В губернском городе Кобе не было места – 27 ноября 1909 года пунктом его ссылки был определен Сольвычегодск.

Для свободных людей путь туда не так уж и далек и неприятен: летом – на пароходе от самой Вологды, зимой – по санному пути... Но в том-то и дело, что для этапа этот путь

не годился – ибо такое препровождение ссыльных казалось начальству слишком уж благопристойным. Поэтому и был употреблен кружной путь, насчитывавший более 800 верст, через Вятку. Наиболее утомителен последний перегон: от Котласа, пешком.

В пути Коба заболел возвратным тифом, из Вятской тюрьмы его 8 февраля перевели в губернскую земскую больницу. Чуть поправился – и в путь. С 20 февраля он снова находился в тюрьме.

Позади почти четырехмесячный этап: тысячи верст тряской дороги в арестантском вагоне, томительное ожидание в пересыльных тюрьмах. Неприветлив Север – ветер кружит на дороге колючую снежную пыль, тусклое солнце в хмуром, серо-сизом небе... Как оно не похоже на небо Грузии! Что ожидает ссыльного в этом краю?

Прежде всего ожидала встреча с уездным исправником Цивилевым, по прозвищу Береговой Петушок. «...27 февраля 1909 года административно-ссыльный Иосиф Виссарионов Джугашвили, – доносил он вологодскому губернатору, – прибыл в гор. Сольвычегодск, где и водворен на жительство с учреждением за ним надзора полиции».

Разговоре Цивилевым был краток. Исправник объявил Кобе уже известные государственные правила о поднадзорных, дополнив их своими собственными.

Ссыльным воспрещалось появляться после десяти вечера на улице.

Ссыльным воспрещалось входить в городской сад и появляться на пристани.

Ссыльным воспрещалось водить знакомства с местным населением, участвовать в любительских спектаклях и появляться на них.

Ссыльным воспрещалось собираться больше чем пятерым...

В завершение исправник (он считал себя незаурядным сыщиком) испытующе оглядел Кобу и добавил:

– У меня церемонии отменены: за первый же проступок будете высланы в глухую деревню. А сейчас вы свободны!

Заранее можно сказать, что запреты Цивилева Коба, как и большинство ссыльных, не исполнял: жить было бы попросту невозможно, если бы придерживаться всех полицейских правил.

Сольвычегодск был маленьким захолустным городком. На отшибе, вдали от железной дороги, в глуши лесов, он казался властям надежным местом для ссылки: после поражения революции на 1 700 жителей здесь временами скапливалось до 500 ссыльных, и вся жизнь городка была пронизана полицейским духом. В лучшем здании – особняке купца Пьянкова постройки XVIII века, двухэтажном, с красивой колоннадой, – находились присутственные места: казначейство, почта, канцелярия Цивилева, тюрьма. Сотни три домишек, дюжина церквей – вот и весь Сольвычегодск.

Первая ссылка Кобы в Сольвычегодске длилась 116 дней, долгих и теплых летних дней. Видимо, он отдыхал от этапа, перенесенных болезней и только поджидал подходящего момента для побега.

Усердным стражникам не удалось остановить Кобу, когда он предпринял побег. Не прошло и двух недель, как уже сам Цивилев оправдывался: «...Крестьянин Тифлисской губернии и уезда села Тидивиди (исправник от огорчения переврал название села) Иосиф Виссарионов Джугашвили скрылся из места водворения г. Сольвычегодска 24 июня 1909 года».

...Вечером в конце июня Сергей Аллилуев шел с работы домой. К неописуемому изумлению, вдруг навстречу Коба. Радость, объятия, объяснения. Коба знал адрес Аллилуева в Петербурге, но на квартире никого не застал – вся семья была в деревне. Не найдя Сергея Яковлевича и на работе, стал поджидать его на улице и уже изнемогал от усталости.

Устроил Аллилуев Кобу в очень надежном месте – у Кузьмы Савченко, служившего дворником в кавалергардском полку по Захарьинской улице, напротив Таврического сада. Здесь

беглец чуть отдохнул, повидался кое с кем из членов большевистской фракции III Думы, а затем двинулся дальше на юг.

В середине июля он вернулся в Баку, а 27 июля агент сообщал в бакинскую охранку: «К типографии имеют отношение... Коба, Шаумян, Джапаридзе». Первого же августа 1909 года после годичного перерыва вышел 6-й номер газеты «Бакинский пролетарий», и в нем – передовая Кобы «Партийный кризис и наши задачи». 27 августа выходит 7-й сразу с тремя статьями Кобы...

Несмотря на то что охранка знала о намерении Кобы отправиться в Тифлис и установила пост наблюдения на вокзале, ему удалось обмануть бдительных сыщиков. 18 октября он выехал в Тифлис без «хвоста». Теперь уже тифлисские жандармы из кожи вон лезли, чтобы найти Кобу или хотя бы установить, кто он такой.

Днем Коба из дома не выходил. С утра до вечера просиживал он за столом: читал, делал выписки, писал.

...Меж тем поединок между Кобой и жандармами продолжался. Наступала весна, а Кобу, по странной случайности, арестовывали чаще всего весной... 24 марта начальник Бакинского охранного отделения доносил: «Упомянутый в сводках наружного наблюдения под кличкой Молочный, известный в организации под кличкой Коба – член Бакинского комитета РСДРП, являвшийся самым деятельным партийным работником, занявшим руководящую роль... задержан по моему распоряжению... 23 сего марта».

Охранка за восемь месяцев слежки так и не узнала, кто скрывался под кличкой Коба. «Проживая всюду без прописки, Молочный имел в минувшем году паспорт на имя Оганеса Варганова Тотомянца, при задержании его при нем был обнаружен документ (паспортная книжка) на имя жителя сел. Батан Елизаветинской губ. и уезда Захара Крикорьяна Меликьянца, относительно которого он заявил, что документ этот ему не принадлежит и был им куплен в Баку. Наконец, задержанный по доставлении в 7-й полицейский участок назвался жителем сел. Диди-Лило губ. и ус шца Иосифом Виссарионовым Джугашвили...»

И вот снова Баиловская тюрьма, снова долгие месяцы ожидания... Бакинские жандармы, разозленные Молочным, намерены были отправить его из Баку как можно дальше и на максимальный срок. «Что же касается Джугашвили, – писал ротмистр Гелимбатовский, – то ввиду его упорного участия, несмотря на все административного характера взыскания, в деятельности революционных партий, в коих он занимал всегда весьма видное положение, и ввиду двукратного его побега из места административной высылки, благодаря чему он ни одного из принятых в отношении его административных взысканий не отбыл, я полагал бы принять высшую меру взыскания – высылку в самые отдаленные места Сибири на пять лет».

23 сентября Коба этапным порядком отправлен в Сольвычегодск, где и «водворен» 29 октября.

Вновь перед ним знакомые места: посеревшие от ненастья, низкие крыши городка, тусклая поверхность озера... Улица, на которой он поселился (звалась она Миллионной), одним концом упиралась в центр городка, другим – выходила на окраину. Застроена улица небольшими деревянными домами, вдоль которых, по северному русскому обычаю, мостовые из толстых досок.

В комнате – крепкие, местного изготовления диван и кресло, кровать, несколько круглых столиков, стулья в простенках, кадки с растениями в углах, печь голландская, вот и все убранство.

Жить ссыльному было нелегко. Поднадзорным, безусловно, воспрещалась служба в казенных и общественных учреждениях, учительская деятельность (частные уроки, школы и прочее), врачебная и адвокатская деятельность и так далее. Разрешались все виды физического труда, служба частная, письменные и торговые занятия. Но где их взять в захолустном Сольвычегодске?

Коба больше сидел дома: читал, писал, часто до глубокой ночи. Хозяйка слышала, как скрипят половицы у постояльца в комнате: время от времени он ходил из угла в угол и размышлял. Видимо, в ссылке у него сложилась привычка работать по ночам.

У хозяйки было много детей. По временам, когда дети расшались, расшумятся, в дверях комнаты появлялся постоялец, останавливался у притолоки и смотрел улыбаясь. Все, кто видел Кобу в подобных случаях, отмечали: он был неизменно ласков с детьми. Немудрено – они напоминали ему, что где-то очень далеко, может быть, так же играет его маленький Яша...

12 мая 1911 года вологодские жандармы доносили в Петербург: «Иосиф Виссарионов Джугашвили (и ссыльные социал-демократы) решили между собой организовать с.-д. группу и устраивать собрания по несколько человек в квартирах Голубева, Джугашвили, Шура, а иногда и у Петрова. На собраниях читаются рефераты и обсуждаются вопросы о текущем политическом моменте, о работе Государственной думы... Цель этих собраний – подготовка опытных пропагандистов среди ссыльных...»

24 июня Кобе было выдано «проходное свидетельство» на свободный проезд в Вологду. В приложенном маршрутном листе указывалось, что обладатель свидетельства обязан следовать прямо до Вологды на пароходе и под страхом немедленного возвращения в Сольвычегодск «не имеет права уклоняться от маршрута и останавливаться где бы то ни было». 6 июля Коба навсегда оставил Сольвычегодск.

Ссылка окончена, но куда же ехать? На Кавказе жить воспрещено, в обеих столицах и рабочих центрах – тоже. Прибыв в Вологду, Коба 16 июля подает прошение разрешить ему временно остаться тут. Сделано это было не без умысла: отсюда совсем недалеко до Петербурга. Надо осмотреться, снестись с границей.

Охранка установила слежку за Кобой через неделю после его приезда в Вологду. У ворот дома Бобровой по Мало-Козленской улице, где он поселился, с раннего утра до позднего вечера торчал филер и доносил о каждом шаге Кавказца – так вологодские сыщики стали именовать Кобу.

...Поздно вечером 8 сентября Сергей Аллилуев, зайдя во двор дома № 16 по Сампсониевскому проспекту, где он жил, сразу же приметил двух субъектов в котелках – обычном головном уборе сыщиков того времени. Первая мысль: «Ну, видно, начинают следить за мной!» Но на квартире у себя он нашел старых знакомых – Кобу и Сильвестра Тодрия. Обменявшись приветствиями, хозяин дома поспешил поделиться тревогой:

– Вы, товарищи, видимо, пришли с «хвостом»! Шпики во дворе.

Коба поначалу посмеивался:

– Черт знает что такое! Наши товарищи становятся пугливее обывателей. Как только зайдешь к кому-нибудь, сразу начинают выглядывать в окно и шепотом спрашивают: «А вы не привели с собой шпииков?»

Но Аллилуев все же предложил посмотреть в окно. Посмотрели: шпиик бродил по панели напротив квартиры, второй остался во дворе. Стали обсуждать, как это могло получиться.

Выяснилось, что, приехав в город, Коба, не зная точных адресов, вынужден был бродить по улицам (на вокзале филеры упустили его из виду). Поздним вечером на Невском он встретил старого знакомого Сильвестра Тодрия, возвращавшегося с работы в типографии домой. Тодрия жил неподалеку, но устроить Кобу на ночлег не мог: все ворота и парадные в Петербурге запирались на ночь и бдительно охранялись дворниками, состоявшими непременно в осведомителях охраны. Поэтому отправились в меблированные комнаты «России» на Гончарной улице. Предварительно на вокзале забрали оставленные Кобой вещи. Вот здесь-то их снова и взяли под наблюдение филеры.

В гостинице дело пошло тоже не гладко. Началось с того, что номерной спросил, глядя на Тодрию:

– А вы, господин, не из евреев будете?

– Нет, я грузин, – отвечал Тодрия, – а мой товарищ русский, только что из провинции.

Коба действительно предъявил паспорт на имя Петра Алексеевича Чижикова (паспорт этот он взял у луганского рабочего-революционера, с которым близко сошелся в Вологде).

Подозрительность номерного объяснялась просто: 1 сентября Д. Богров, по национальности еврей, смертельно ранил в Киеве председателя Совета министров П. А. Столыпина. Были приняты экстраординарные меры к поимке сообщников Богрова, и всем домовладельцам, содержателям гостиниц были даны указания сообщать о всех подозрительных, в особенности если они смахивают на евреев. Номерной в «России» сообщил о приезде «Чижикова», и с утра 8 сентября наблюдение продолжалось. Видимо, петербургские шпики были опытнее бакинских и вологодских: Коба и Тодрия, поехавшие на квартиру к Аллилуеву, не заметили слежки.

Аллилуев сумел договориться с одним из товарищей – Забелиным, который повел преследуемых в дачное место – в Лесное. В глухой, темной аллее им удалось избавиться от «хвоста» – шпики вынуждены были отстать. Переночевав у Забелина, Коба ушел в город. Но в гостинице его ждали. Вечером 9 сентября 1911 года он находился уже в петербургском доме предварительного заключения.

Вновь тюрьма, но на этот раз не закавказская, а изошренно-суровая петербургская. Более трех месяцев ожидал Коба решения. Определение было: выслать Джугашвили на три года в избранное им место жительства, кроме столиц и столичных губерний. Коба избрал Вологду, и уже 25 декабря 1911 года он был там. Потянулись дни ссылки.

Большевики готовили общепартийную конференцию. Еще в июне 1911 года на совещании социал-демократов в Париже Коба заочно был назначен кандидатом в члены Российской организационной комиссии по созыву конференции. Но ему не пришлось подготавливать конференцию – арест в Петербурге помешал тому.

VI (Пражская) Всероссийская конференция РСДРП состоялась в январе 1912 года. На пленуме, состоявшемся после конференции, в состав ЦК был кооптирован и Коба. Он стал членом Центрального Комитета большевистской партии и оставался им с тех пор непрерывно более сорока лет.

29 февраля Коба из Вологды исчез «неизвестно куда». Жандармы предполагали, что в «одну из столиц», но ошиблись – он направился в Закавказье.

Здесь же находились в то время Спандарьян и Орджоникидзе. Три члена ЦК объезжали партийные организации, делали доклады, разъясняли решения Пражской конференции. 29 марта в Баку (в Балаханах) Коба провел совещание руководящих работников-большевиков. Была принята резолюция, одобрявшая решения Пражской конференции и резко критиковавшая меньшевистский Закавказский областной комитет.

1 апреля Коба выехал на север.

С середины декабря 1911 года в Петербурге (сначала еженедельно, а потом два и три раза в неделю) выходила большевистская газета «Звезда», которую издавал член III Государственной думы, рабочий-большевик Николай Гурьевич Полетаев. Его квартира, как думского депутата, была неприкосновенна для полиции. Вот здесь-то, в своеобразном убежище, и засел Коба.

22 апреля (5 мая) 1912 года в свет вышел первый номер «Правды». Он открывался редакционной статьей «Наши цели», написанной Кобой. «Вступая в работу, мы знаем, что путь наш усеян терниями. Достаточно вспомнить «Звезду», перенесшую кучу конфискации и «привлечений». Но тернии не страшны, если сочувствие рабочих, окружающее теперь «Правду», будет продолжаться и впредь. В этом сочувствии будет черпать она энергию для борьбы!.. Итак, дружнее за работу!»

Днем 22 апреля, когда экземпляры «Правды» поступили в продажу, Коба был арестован на улице. «При аресте он заявил, что определенного места жительства в гор. С. – Петербурге не имеет. При личном обыске у Джугашвили ничего преступного не обнаружено».

На этот раз ждать решения Департамента полиции в петербургской тюрьме пришлось сравнительно недолго: 14 июня последовало распоряжение: «Выслать Иосифа Джугашвили в пределы Нарымского края, Томской губернии... под гласный надзор полиции на три года...» 2 июля Коба был отправлен в Нарымский край.

От станции Тайга до Томска – в арестантском вагоне, два-три дня в томской тюрьме, и 18 июля Коба в сопровождении стражника плывет по Оби на пароходе «Колпашевец» (одном из первых пароходов, курсировавших между Томском и Нарымом). Ехали в третьем классе, стражник не очень следил за Кобой: куда он денется с парохода? А ссыльный приглядывался, присматривался – каков будет обратный путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.